

Глава 6. Выбор пути

Май пролетел незаметно. Е Мянью умудрился спустить большую его часть на абсолютное ничегонеделание. Дни тянулись лениво и однообразно, и не успел он оглянуться, как наступил июнь — последний месяц первого года старшей школы.

До Гаокао оставались считанные дни, однако удушающая атмосфера всеобщего экзаменационного психоза обходила десятиклассников стороной.

Кто хотел — развлекался, кто хотел — буянил, а кто-то просто плыл по течению.

По утрам Е Мянью больше напоминал человека в состоянии глубокой комы: он буквально прирастал к парте. И на уроках, и на переменах парень пребывал в полузабытьи, мутный и заторможенный, что красноречиво свидетельствовало о бурно или просто бессонно проведённой ночи.

Сам он искренне полагал, что вечная сонливость учеников — вина вовсе не их самих. Нудная подача учителей навевала тоску: те бубнили с трибуны сухие термины и заумные формулы, начисто лишённые жизни. Яркие, увлекательные занятия, казалось, остались в далёком детстве. В начальной школе учителя перед каждой темой, даже по математике, обязательно рассказывали какую-нибудь сказку или забавную историю.

Малышня, затаив дыхание, слушала эти байки и впитывала знания с азартом. В средней же и старшей школе всё сгрузили на «способность к самостоятельному осмыслению». И вот пойми теперь: это он слишком многого требует от системы образования или планка школы упала ниже плинтуса?

Да и расписание составлял какой-то садист. Поставить зубодробительную математику на первые два урока, когда у всех мозги ещё спят мертвым сном — это надо додуматься.

Стоило голове опустеть, как в неё тут же лезла подобная чушь.

Последний пятничный урок изначально планировался как классный час для самостоятельных занятий, но Лао Чжан в последний момент переиграл всё под классное собрание. Впрочем, никто не возражал. Собрание — это всё же лучше, чем если бы их часы захапал какой-нибудь предметник.

Так думало большинство.

Е Мянью на этот раз прогуливать не стал. С предыдущего урока он так и не поднялся, только ноги под партой то и дело переплетал на разный манер.

На парте лежали возвращённые проверочные работы. Теперь требовалось не просто исправить

ошибки, а расписать пошагово весь ход решения каждой задачи, да ещё и прикрепить «объяснительную записку» с причинами своих промахов. Сама идея формулировать «причины» Е Мяня откровенно забавляла.

"Не сообразил — вот тебе и весь факт, — лениво размышлял он. — База нулевая — вот тебе и причина. Всё просто"

Хотя другие умудрялись писать целые эссе: «проявил невнимательность», «не вызубрил формулу», «неверно истолковал условие».

Когда к его парте подошла староста по физике, собиравшая работы, Е Мянь отложил ручку и с досадой помассировал затекшую шею. Ладонь мгновенно стала липкой от пота. В душном классе лениво крутились лишь потолочные вентиляторы. Его парта стояла в самом хвосте, куда спасительный ветерок практически не долетал.

— погоди секунду, сейчас найду, — пробормотал он.

Если Е Мянь удосуживался явиться на тест, он его сдавал, пусть даже весь лист потом пестрел жирными красными крестами. Времени на нормальную работу над ошибками, разумеется, не нашлось. Он принялся судорожно шарить в недрах парты, пока наконец не выудил на свет измятый листок. Опоздай староста ещё на минуту, и эта несчастная бумага тихо перекочевала бы в мусорное ведро у задней двери.

— дай списать по-быстрому.

Их физик требовал не просто верных ответов, а полной выкладки. Даже к тестовым вопросам с выбором одного варианта приходилось строчить подробные обоснования.

Е Мянь торопливо зачеркивал свои каракули, вписывая верные формулы. С большими задачами в конце пришлось повозиться, пальцы летали по бумаге с предельной скоростью. К счастью, почерк у него от природы был аккуратным, так что даже в режиме экстремальной спешки слова оставались вполне читаемыми.

До звонка оставалась минута. левой рукой он ухитрился лениво крутить ручку, не прерывая писанины.

— Иди пока, я на уроке допишу и сразу тебе отдам.

Фан Ицзин, староста по физике, была девушкой тихой и скромной. Пока Е Мянь лихорадочно копировал чужое решение, она терпеливо ждала у прохода последней парты, изредка заглядывая в его листок и негромко поправляя, если он ошибался в расчётах.

Стоило ему заартачиться и отказаться сдавать работу, она могла простоять над душой всю

перемену, мягко, но настойчиво читая нотации. Если парень упирался окончательно, вздыхала и предлагала переписать всё за него. Против этого лома у Е Мянэ не находилось приёмов — приходилось браться за ручку самому.

Будь на её месте парень, Е Мянэ без зазрения совести спихнул бы на него писанину. Но заставлять девчонку делать за себя домашку совесть не позволяла.

В их возрасте любой косой взгляд мог породить кучу сплетен и глупых слухов о «любви». Лишняя головная боль Е Мянэ была не нужна, да и портить репутацию приличной девочки не хотелось. Впрочем, если он не успевал сделать домашнее задание на выходных, то в понедельник просто перекидывал тетрадь Чжан Фаню. Перепишет как миленький, и на корявый почерк жаловаться не станет.

Раздался звонок.

Спустя ровно три секунды в класс вошёл Лао Чжан. Е Мянэ сверился со своими часами и мысленно хмыкнул: этот старый лис явно караулил у двери, выжидая момент.

В средней школе Биньяна вместо привычного резкого звонка играла короткая мелодия, сменяющаяся приятным женским голосом из динамиков: «Ученики, время занятий пришло. Пожалуйста, быстро вернитесь в классы и приготовьтесь к уроку».

— Ребята, тише, пожалуйста. Мне нужно сделать важное объявление, — Лао Чжан попытался перекричать гул, но его голос мгновенно утонул в многоголосом шуме.

Классный руководитель безуспешно пытался урезонить подопечных минут пять. Наконец, уполномоченный по дисциплине вместе со старостой класса рявкнули дуэтом, и в кабинете более-менее воцарился порядок.

Поставив термос аккуратно вровень с коробкой мелков, Лао Чжан взял кусочек мела и размашисто вывел на доске красивые, каллиграфические иероглифы: «Выбор специализации». Он вёл литературу, обладал отменным художественным вкусом, а его почерк всегда вызывал искреннее восхищение.

— Перед вами лежит предварительный список, — заговорил он, обводя класс взглядом. — Каждому нужно найти свою фамилию и поставить галочку в соответствующей графе: гуманитарные науки или естественные. После этого обязательно распишитесь. Ребята, это разделение — определяющий шаг для всей вашей дальнейшей учёбы в старшей школе. Оценивайте свои возможности трезво. Поймите, в чём вы сильны, а где проседаете. Не нужно бездумно тянуться за друзьями. Смотрите в будущее, ведь от этого зависит ваша будущая профессия. Понимаю, до работы ещё далеко, но выбор делать нужно осознанно. И конечно, не забывайте про интерес. Если тошнит от точных наук, если формулы по физике и химии даются с нечеловеческим трудом, идите на гуманитарный профиль, никто вас не осудит. Если у кого-то есть сомнения или вопросы — спрашивайте прямо сейчас.

Кто-то с передних парт подал голос:

— Учитель, а наш седьмой класс в итоге станет техническим или гуманитарным?

— Наш седьмой класс официально уйдёт в естественно-научный профиль, — ответил Лао Чжан.

— Но я хочу подчеркнуть: даже те, кто выберет гуманитарное направление и перейдёт в другие классы, навсегда останутся моими учениками. Двери седьмого класса всегда будут для вас открыты.

Он выдержал драматическую паузу, прочистил горло и продолжил:

— Так что не нужно унывать. Мы остаёмся в одном здании, на одном этаже. Видеться будем каждый день. Мой кабинет тоже никуда не денется. Приходите в любое время — хоть с трудными задачами, хоть просто по душам поговорить. Я всегда буду там. Без прогулов и выходных.

За какие-то десять минут Е Мянэ умудрился не только дописать физику, но и набросать хвосты по другим предметам. Мысль о том, что накануне великого разделения он развил такую бешеную продуктивность, даже немного его растрогала.

С «причиной ошибок» пришлось покреативить. В прошлый раз он не поленился и приписал: «разболелся живот». Из-за этой невинной лжи его вызвали на ковёр к физику. Тот разговор Е Мянэ до сих пор вспоминал с содроганием:

— У тебя что, хронический гастрит? Если прихватило живот, надо было отпроситься в туалет. Чай, не барышня, терпеть не обязан, да и на экзаменах выходить не запрещают. Понимаю, до выпускного класса ещё далеко, ответственности никакой. Но это не значит, что можно пинать балду! Десятый класс — фундамент. Без него дальше ты просто утонешь в материале. Равняйся на лучших, парень! Отношение определяет результат...

Этот физик по совместительству рулил первым, экспериментальным классом этажом выше и отличался невероятной занудностью, легко затыкая за пояс даже Лао Чжана.

Учитывая горький опыт, в этот раз Е Мянэ великодушно приписал себе сезонную простуду и мигрень.

Уж простуда-то гендерных различий не имеет, тут не придерёшься.

Лист выбора дошёл до задних парт. Половина класса уже определилась, остальные зависли в нерешительности.

Лао Чжан негромко похлопал в ладоши, призывая к порядку:

— До окончательного решения ещё добрых полмесяца. Я раздал эти бланки пораньше, чтобы вы прикинули варианты. Посоветуйтесь на выходных с родителями, со старшими братьями или сёстрами. Можете подойти ко мне. Ну же, почему все молчат? Я не кусаюсь, будьте посмелее!

Сбоку донёсся возмущённый возглас Ван Сяомина:

— Блин, Лао Чжан, а раньше сказать нельзя было? Я уже всё заполнил!

— Сяомин, держи себя в руках и не выражайся, — осадил его учитель. — Это всего лишь черновик. Чистовые бланки лежат у меня на столе, их мы и будем сдавать администрации. Так что ничего страшного. Зато теперь вы знаете, как выглядит процедура. Е Мянь, возьми свой лист и выйди на пару слов.

Е Мянь, увлечённо выводивший карандашом штрихи на клочке бумаги, не спеша провел последнюю линию, надел колпачок на ручку и поднялся.

Захватив со стола помятый список, он вышел в коридор, где его уже поджидал классный руководитель.

— Вот, держите, — Е Мянь протянул бумагу.

Лао Чжан скользнул взглядом по ровным строчкам, после чего внимательно посмотрел на парня, который сегодня — на удивление — соизволил застегнуть школьную олимпийку.

— Неплохо. Радует, что ты наконец-то начинаешь походить на нормального ученика.

Е Мянь промолчал.

— Так почему графа пустая? Сомневаешься? Я ведь почему тебя позвал... Знаю, парень ты толковый. Я видел твои баллы за вступительные экзамены, они были одними из лучших по городу. Да и талантов у тебя полно. Не знаю, что стряслось и почему вместо Первой средней школы Биньяна ты оказался у нас, в Биньяне, но зачем же ставить на себе крест? Перестал учиться, ходишь сонный...

— Лао Чжан, притормозите, — вздохнул Е Мянь. — Я эту лекцию наизусть знаю.

— Знаешь-то знаешь, да только толку чуть. В одно ухо влетает, в другое вылетает, — сокрушённо покачал головой учитель. — И всё же, какие планы? Да, уровень преподавания в Биньяне уступает элитным школам, но если возьмёшься за ум и приложишь усилия, сможешь горы свернуть.

Мыслей у Е Мяня хватало, но делиться ими он не собирался. Не говорить же несчастному

педагогу, что он подумывает окончательно бросить учёбу? Лао Чжану едва перевалило за сорок, но из-за вечной нервотрёпки его лицо покрывали глубокие морщины, отчего он выглядел на добрый десяток лет старше своего возраста.

Скажи он сейчас про уход из школы — и Лао Чжан костыми ляжет, но домой его сегодня не отпустит. Запрёт в кабинете, устроит многочасовую промывку мозгов, а то и вовсе увяжется следом до самой квартиры.

Поэтому Е Мянй бросил первое, что пришло на ум:

— Наверное, физмат.

Лицо Лао Чжана мгновенно просветлело. Стоило ему искренне улыбнуться, как набежавшие годы словно отступили, вернув его к законным сорока. Говорят же, что смех молодит. Если бы не сетка глубоких морщин у глаз, классный руководитель выглядел бы вполне импозантно. Впрочем, возраст никого не щадит.

Е Мянй вдруг поймал себя на нелепой мысли:

"Интересно, каким я сам стану, когда покроюсь морщинами?"

И тут же мысленно усмехнулся:

"Дожить бы вообще до этих лет"

— Естественные науки — это отлично! — оживился Лао Чжан. — Значит, останешься в моём классе, никуда тебя не переведут.

С таким непростым характером парню только в чужое окружение попасть. Там он окончательно отобьётся от рук. А тут, под присмотром, глядишь, и за ум возьмётся. Лао Чжан втайне не терял надежды пробудить в своём самом проблемном ученике тягу к знаниям.

— Лао Чжан, если вопросов больше нет, я пойду? — спросил Е Мянй.

— Да, иди. И позови мне Чжан Фаня, будь добр.

Учитель открутил крышку термоса, сделал глоток горячего чая и тихо вздохнул.

Обычно на такие беседы вызывают отличников, чтобы удержать их в классе и не портить показатели. Но Лао Чжан явно не искал лёгких путей: сначала позвал его, теперь — Чжан Фаня. Логика, неподвластная обычным людям.

Неужели учитель не понимает, что они вдвоём тянут класс на дно? Средний балл падает, а ведь от него напрямую зависит годовая премия классного руководителя. Оставаясь в седьмом классе, они обрекали себя на вечное недовольство со стороны учителей-предметников.

Е Мяню было плевать на чужую неприязнь. Единственное, чего он не выносил — это чужую искреннюю заботу. Когда ты сам на себе поставил жирный крест, невыносимо видеть человека, который упрямо продолжает в тебя верить и тянет за рукав наверх.

Лао Чжан даже не догадывался: когда Е Мянью на его уроках литературы спал лицом в парту, это были самые бессонные минуты за весь день. Накатывало такое глухое чувство вины, что парень до звонка лежал с открытыми глазами, вслушиваясь в каждое слово учителя.

Когда наконец зазвенел звонок с последнего урока, староста по физике тут же пошла собирать исправленные тесты. Впереди были выходные, но для Е Мянью понедельник мало чем отличался от субботы.

— Е Мянью, это ты нарисовал? С ума сойти, как красиво! И так похоже...

— Мать твою, напугала! — Е Мянью вздрогнул всем телом, грифель свежезаточенного карандаша с тихим щелчком переломился. — Ты почему подкрадываешься беззвучно?

Вокруг сновали одноклассники, кабинет гудел обычным послеурочным шумом, но парень настолько глубоко ушёл в себя, что внешние раздражители просто перестали для него существовать.

В такие моменты он слишком хорошо понимал художников, готовых покусать любого, кто посмеет прервать их работу.

Вытащив из-под стопки учебников замятый лист по физике, он прижал его ладонью. Прямо над головой со скрипом вращался старый пожелтевший вентилятор, чей монотонный гул отчасти приглушал школьный гвалт. Ветер от лопастей едва не унёс работу, так что пришлось спешно зажать её краем тетради.

Забрав листок, Фан Ицзин не спешила уходить. Она неловко мялась у его стола, до боли сжимая пальцами тонкую стопку бумаг. На её ладонях выступила испарина, оставляя влажные следы на краях тестов.

— Е Мянью... Мне нужно кое-что сказать тебе. Ты не мог бы подождать меня после уроков?

— Да говори прямо сейчас, — пожал плечами парень, продолжая неторопливо укладывать вещи в рюкзак.

Забирать из школы было практически нечего: только любимый набор профессиональных

карандашей и кистей. Бумага у него была и дома, а вот этот комплект существовал в единственном экземпляре.

Фан Ицзин глубоко вздохнула. Стоило ей поймать на себе прямой, спокойный взгляд юноши, как хрупкое самообладание вновь дало трещину.

— Да тут ничего такого... Просто хотела спросить: ты какое направление выбрал? Гуманитарное или техническое?

— Наверное, физмат, — повторил Е Мянъ ту же фразу, что выдал классному руководителю.

Доля сомнения оставалась, но перспектива привыкать к новому коллективу и чужим преподавателям его утомляла. Куда проще остаться на старом месте — здесь хотя бы всё привычно.

— Физмат?! — Фан Ицзин невольно повысила голос.

Она прекрасно знала, что с точными науками у него, мягко говоря, не ладилось. Девушка была уверена, что он уйдёт на гуманитарный профиль, где учиться в разы проще и не нужно ломать голову над заумными теоремами. Сама она как раз планировала выбрать этот путь. Если бы Е Мянъ поступил так же, они продолжили бы учиться в одном классе ещё два года.

Она могла бы подтягивать его по сложным предметам, помогать с заданиями. Пусть сейчас, под грузом школьных запретов, думать о глупостях не положено, но если они поступят в один университет... Там перед ними откроются совсем другие горизонты.

Ей безумно хотелось переубедить его, но как начать разговор? Сказать напрямую — решит, что она лезет не в своё дело. Нужно действовать тоньше, зайти издалека и постепенно расписать все прелести гуманитарного направления.

— Е Мянъ, ты уже уходишь? Давай вместе до ворот дойдём?

В дороге люди обычно расслабляются, и разговорить собеседника куда проще.

В этот момент в класс, сияя как начищенный таз, ввалился Чжан Фань. Судя по довольной физиономии, Лао Чжан отвесил ему щедрую порцию похвалы, отчего парень прямо-таки лучился уверенностью.

Заметив Е Мянъ, он расплылся в улыбке и замахал рукой:

— Брат Мянъ!

Он резво подскочил к их партам и, уловив обрывок фразы, уставился на девушку:

— Слышь, староста, ты это с нами, что ли, собралась?

В их классе староста по физике слыла самой высокомерной и принципиальной. Списать никогда не давала, отсрочек не признавала и без зазрения совести сдавала всех должников предметнику.

Но перед его приятелем её принципиальность почему-то давала сбой.

"Надо же, наша недотрога, оказывается, сохнет по Брату Мяню!"

От этого открытия у Чжан Фаня так и зачесалось уязвлённое самолюбие.

— Не, староста, не выйдет. У нас дел по горло.

Фан Ицзин презирала местных бездельников, которые только и знали, что курить по углам, драться да забивать на уроки. Но Е Мяня она в эту категорию не включала. Они учились в одной средней школе, и она помнила его совсем другим. Парень просто связался с плохой компанией — обычный юношеский бунт.

— И что же это за дела такие неотложные? — ледяным тоном спросила она, даже не глядя на Чжан Фаня.

— Мужские тёрки, ясно тебе? — хмыкнул тот. — Шла бы ты лучше домой уроки делать. Мы в свои игры девчонок не принимаем.

Фан Ицзин с трудом сдержала эмоции.

"Я вообще-то не с тобой разговариваю"

— Я и не собиралась с вами тусоваться, — ровно произнесла она, глядя исключительно на Е Мяню. — Просто хотела составить компанию до ворот и спросить кое-что... По поводу учёбы. Кое-какие сложные моменты обсудить.

Она с надеждой заглянула Е Мяню в глаза, молясь, чтобы он согласился и поставил этого наглеца на место.

— П-ха-ха! Мама дорогая, держите меня! — Чжан Фань согнулся пополам, хватаясь за живот. — Учёбу обсудить?! С Братом Мянем?! Ой, не могу, сейчас сдохну от смеха! Ну ты выдала, староста!

Подобная бестактность уязвила бы любого, а уж для гордой и самолюбивой Фан Ицзин это стало последней каплей. Она возненавидела Чжан Фаня всей душой — неотесанный, наглый грубиян.

Пока парень утирал выступившие от смеха слёзы и пытался выпрямиться, чтобы выдать очередную колкость, девушка круто развернулась и зашагала к своей парте. Схватив стопку проверочных листов, она направилась к выходу.

Только тут до Чжан Фаня дошло, что его собственный тест всё ещё лежит в парте.

— Эй, погоди! Староста, стой! Я же работу не сдал! Я всё исправил, честно!

Естественно, Фан Ицзин даже не притормозила. Чжан Фань рванул к своему столу, на ходу выуживая из ящика измятый листок, и бросился вдогонку.

— Ну прости, староста, бес попутал! Дай шанс, а? Всё же готово, просто в стопку положи! — взмолился он, настигнув её уже в коридоре.

Не дожидаясь ответа, он бесцеремонно втиснул свой листок в середину папки.

Облегчённо выдохнув, парень поплёлся обратно в класс.

— Брат Мянь, как думаешь, она вычеркнет меня из списка должников? — запричитал он, плюхнувшись на стул соседней парты. — Наверняка ведь уже записала мою фамилию. Блин, какой же я дурак! Надо было дождаться, пока она при мне галочку поставит. Вот тогда было бы надёжно.

Е Мянь снисходительно посмотрел на приятеля.

— Тормоз ты редкий. Мог бы хоть стопку помочь донести до учительской в знак примирения.

Чжан Фань хлопнул себя по лбу:

— Точно! И как я сам не додумался? Помог бы дотащить макулатуру — глядишь, сменила бы гнев на милость, ещё и списывать бы давала без писка. Интересно, злопамятная она или нет? После моих шуточек точно ведь какую-нибудь гадость в ведомости напишет.

Общаться с идиотами вредно для здоровья — глупость, как известно, заразительна.

— Если так переживаешь, сходи в учительскую и спроси. Или подожди её здесь.

— Не-а, — помотал головой Чжан Фань. — Это будет выглядеть слишком жалко.

Солнце лениво клонилось к горизонту, но дневной зной и не думал отступать, сменяясь удушливой, предгрозовой липкостью. Тяжёлые тучи медленно затягивали угасающий диск светила.

Е Мянь шёл по теневой стороне улицы. Судя по наливающемуся свинцом небу, дождь мог хлынуть в любую минуту.

<http://bllate.org/book/18333/1768811>